

В конце января исполнилось 225 лет со дня рождения Роберта Бернса. Многие знают письмо Ивана Сергеевича Тургенева, в котором он уговаривал Николая Алексеевича Некрасова взяться за перевод стихов великого шотландца: «Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его. Я тебе обещаю сделать отличный выбор — и метр приложить. Бернс — это чистый родник поэзии». Своему английскому корреспонденту, энтузиасту и пропагандисту русской литературы в Англии В. Ральстону И. С. Тургенев писал, давая рекомендации относительно «Антологии русской поэзии», которую тот готовил: «Кольцов был истинным народным поэтом, — настоящим поэтом своего века. Может быть, слишком много чести сравнивать его с Бернсом — по-иному пылким и одаренным, — но все же между ними очень много общего...».

А в 1828 году (к тому времени имя Бернса приобрело известность в России) Владимир Петрович Давыдов, внук графа Орлова, приехавший в Эдинбург учиться, свидетельствует о любви к Роберту Бернсу его соотечественников. Он описал в письме домой прием, оказанный в его честь Вальтером Скоттом, и особо отметил: «Поэта Бернса Вальтер Скотт превозносил как самого гениального и жалел, что его жизнь была исполнена горестей».

Да, жизнь Роберта Бернса была исполнена горестей, но, как говорил он сам: «Мое небесное светило милостиво ко мне: оно научило меня никогда не возноситься в своих мечтах над

крестьянской лачугой, оно сделало меня независимым — поставило и плугу».

В двухтомном собрании эпистолярного наследия Роберта Бернса, подготовленном и изданном в 1931 году Лэнси Фергюсоном, — 710 писем, Шутливых и горьких, деловых и интимных, и друзей поэта и к лицам официальным. Письма эти охватывают совсем недолгий период — шестнадцать лет. Первые относятся к 1780 году, они адресованы школьному другу Бернса Уильяму Найвену, последнее, от 18 июля 1796 года, написанное за три дня до смерти, — тестю поэта Джеймсу Армуру, где Бернс пишет: «Чувствую, как силы покидают меня...».

Лэнси Фергюсон констатирует в своем предисловии: письма — практически единственные свидетельства жизни поэта. Люди, с которыми он общался, бедные фермеры, не умели писать и читать. Да и могли ли они знать, что пройдет время, и потомки захотят узнать, о чем думал, кого любил, дружил с кем дорожил Бернс? Если бы пропали письма Вордсворта или Байрона, мы бы смогли составить жизнеописание этих поэтов по другим источникам... А Бернс только год провел в Эдинбурге среди тех, кто владел письменной культурой: мы не располагаем материалами, относящимися даже к этому периоду, только его письмами... О поэтическом гении Бернса нам свидетельствуют его стихи, о Бернсе-человеке, о мире, в котором он жил, мы можем узнать лишь из его писем...». Сегодня «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей де-

вать писем Роберта Бернса. Они относятся к началу его творческой биографии, к периоду его первых литературных публикаций, его первых книг. Они адресованы его учителям и женщине, которой он был увлечен. Джон Баллантайн и Роберт Эйкен были его первыми наставниками на литературном поприще — Эйкен был, по словам поэта, «его первым поэтическим патроном», «открыл глаза на значение его собственной поэзии», он помог Бернсу издать — Килмарнок — первую книгу — «Стихотворения, преимущественно на шотландском диалекте», он обеспечил ему подписчиков на 145 экземпляров, что составило почти четвертую часть тиража. А банкир и мэр города Эйр Джон Баллантайн субсидировал его деньгами, чтобы заплатить типографу Уилсо-ну.

Агнесса Маклехоу, или Кларинда, влюбила юного поэта, «эйрширскому пахарю», как называли его в аристократических салонах Эдинбурга, страстное чувство. Она была замужем, но в момент знакомства с Бернсом жила отдельно от мужа, с тремя детьми. Агнесса обладала тонким литературным вкусом, сама писала стихи. Неудивительно, что она овладела воображением поэта; между ними завязалась бурная переписка, чему способствовало и недомогание Бернса: он вывихнул ногу и был прикован к постели. В письмах своих к Кларинде он говорит о сокровенном — о поэзии, о судьбе Барда, о Музе.

Все только начиналось. Он не мыслит, что ему было отмерено еще только коротких девять лет...

РОБЕРТ БЕРНС

о поэзии, поэте и любви

Мисс Маргарет Кеннеди из Дэльерока.
Осень, 1785

Мадам,
позвольте мне подарить Вам Песню, пусть этот небольшой подарок будет знаком моей признательности за честь быть представленным Вам. В этих стихах я пытался нарисовать слабую копию Вашего портрета — описывая Истину в простой, безыскусной манере. Пусть Ваши поклонники льстят Вам, их необузданная фантазия поможет вообразить им, что Вы ближе, чем в действительности, если такое возможно, к Совершенству.

Поэт, мадам, более чем кто-либо, бесконечно глубоко чувствует власть Красоты, ибо если он поэт милостью божьей, его чувства глубже, а вкус тоньше, чем у простых людей. В буйном цветении Весны, в задумчивой кротости Осени, в великолепии Лета, в седом величии Зимы поэт найдет очарование, скрытое от глаз других представителей рода человеческого; даже милый цветочек или милая женщина (самое лучшее творение господна нашего на земле) способны вызвать отклик в сердце поэта, а толпе людской это неведомо. Именно поэтому я крайне признателен г-ну Гамильтону — он не раз доказывал мне свое благорасположение — за то, что он великодушно представил меня Вам. Пусть поклонники Ваши смотрят на Вас, сгорая от желания, мне же радость просто созерцать Вас; пусть их сердца в Вашем присутствии переполняются страстью, мое же сердце переполняется восхищением...

Джону Баллантайну, эсквайру, г. Эйр.

Сэр,
я посылаю Вам несколько набросков, их судьба еще не решена; если бы у Вас нашлось время взглянуть на них, я, со своей стороны, встретился бы в среду с г-ном Эйкеном — Ваше и его мнения помогут мне. Посылаю Вам свои стихи, не в связи с моими стихами о д-ре Горнбуке¹, но исключительно, чтобы развлечь Вас; они слишком легковесны и глупы, и публиковать их нельзя. Сознаться — я сам уже вынес приговор: стихи, что я посылаю Вам с этим письмом, — никуда не годятся, разве что зарисовки, начинающиеся словами «Когда славный Гилфорд» и «Растет камыш среди реки».

Конечно, после того как Вы столько раз доказывали свое дружеское расположение ко мне, глупо распинаться в извинениях, просить прощения за то, что-де побеспокоил Вас и пр.

Я знаю, Вы принимаете самое живое участие в судьбе Барда и его творчестве.

Д-р Горнбук — прозвище приходящих учителей в Шотландии; речь идет, по-видимому, о сатире «Смею и доктор Горнбук» (1785), в которой поэт высмеивает учителя Тарболтона, подрабатывавшего грачеванием.

Роберту Эйкену
(Приблизительно 8 окт. 1786)

Сэр,
недавно я повиделся с моим типографом Уилсоном, мы обсудили и уладили все накопившиеся дела. Я погасил свои долги ему и предложил переиздать мою книгу, дополненную новыми стихами, пообещав заплатить сразу же наличными, как только книга выйдет, но он отклонил мое предложение. По его подсчетам, бумага для тысячи экземпляров обойдется примерно в два-

дцать семь фунтов, а печатанье — пятнадцать-шестнадцать; он берется печатать книгу, если я заплачу за бумагу вперед, но ведь Вы понимаете — это не в моих силах; так что с мечтами об издании книги надо расстаться до тех пор, пока я не разбогатею! А эти времена, верно, наступят, когда мы выплатим Англии национальный долг.

Самое обидное в том, что моя надежда на переиздание книги рухнула! — теперь не в моей власти выразить мою благодарность г-ну Баллантайну, который опубликовал мою поэму «Эйрские мосты». Я стану презирать себя, как последнего негодяя, если допущу мысль, что когда-нибудь забуду честное, теплое, сердечное участие г-на Баллантайна в моей судьбе.

...По правде говоря, у меня нет причин жаловаться, ибо мир оказался добр к мне и оценил меня. Недавно я был немощным, подозрительным брюзгой, мизантропом. Мне казалось, я сражен один, не способен сражаться с жизнью, от каждого облачка в изменчивой погоде Фортуны сжимаюсь и, беззащитный, тщетно ищу крыши над головой. Мне никогда не приходило в голову, по крайней мере, я никогда не представлял это себе отчетливо, что в этом мире все чем-то занято, что предназначение человека — бороться за лучшую долю и что, хотя у меня доброе сердце и мирный нрав (между прочим, последним мне не так уж пристало похвастаться), одних этих качеств мало, надо что-нибудь делать! Все мои бывшие соученики и знакомые молодые люди (несколько сбившихся с пути истинного с счет не идут) со страстной надеждой и отменным упорством сражались на том или ином деловом поприще: а я «праздно стою на рыночной площади», как бабочка порхаю с цветка на цветок в погоне за причудами фантазии...

Сэр, когда знаешь свои ошибки, имеешь шанс их исправить...

В апреле 1787 года эдинбургский издатель Крич опубликовал второе издание стихотворений Р. Бернса тиражом 2000 экземпляров на университетских для поэта условиях: договор на издание он оформил как приобретение права на все его стихотворения.

Мисс (Вилгельмине) Александер из
Бэллокмайла
18 ноября 1786

Мадам,
поэты — *outré*¹ существа, они дети прихотливой фантазии и капризных причуд, мне думается, им больше позволено во всем, что касается приличий и правил поведения, больше, чем угрюмым сыновьям рассудка и благоразумия. Я говорю об этом, чтобы оправдать ту важность, с какой безымянный незнакомец обращается к Вам в стихотворении, которое я посылаю Вам с письмом и которое он просил Вас никак не принимать в дар. Не берусь судить, обладает ли оно поэтическими достоинствами, равными предмету; но это лучшее, на что способен мой талант, оно искреннее, а для Вашего доброго сердца это высшая добродетель.

Картина в нем взята с натуры, хотя осмелюсь сказать, мадам, Вы вряд ли помните ее, как едва ли заметили Поэта-мечтателя, завороченно шедшего за Вами. Я брел вдоль берега реки Эйр, ведомый случаем, брел по любимым местам моей Музы — я наслаждался природой в буйном веселии весны. Солнце пылало над далекими холмами на западе, ветерок не тревожил буй-

ные алые цветы и молодую листву. Золотой миг для сердца Поэта!..

Час вдохновения для Поэта! Простая, скучная и сюжето-минутная проза обрела образ и ритм!

Я посылаю Вам песню², которую написал по возвращении домой, она, должно быть, лишь жалкая попытка запечатлеть увиденное. Я готовлю вторую книгу стихотворений, но без Вашего согласия включить эту песню не смею.

Имею честь, мадам,
быть Вашим самым преданным и покорным слугой
Роберт Бернс

¹ Экцентричные (франц.).
² Песня с посвящением В. А. «Красавица из Баллом-хэля».

«Был вечер. Жемчужом росы
Блестели травы в час заката...»

(Перевод С. МАРШАКА)

Из письма Сэр-у Джон-у Уайтфорду
(Эдинбург, 1 декабря 1786)

...Поэты стараются не торговать своим сердцем и талантом... Не думаю, что расточительность — неприменная черта натуры поэта, но к прозе жизни, к своему благополучию он почти всегда относится легко и беззаботно, сердце Барда, сына Природы, чувствительно и горделиво, и это спасает Барда от неожиданных подачек судьбы, которые часто достаются наглецам и людшкам низменным, раболопным. Трудно вообразить себе более независимую долю, чем долю поэта, его фантазии делают его чужим в этом мире, а культура и знания заставляют его стремиться к лучшей жизни — даже такого бедняка, как я.

Но мое небесное светило милостиво ко мне, оно научило меня никогда не возноситься в своих мечтах над крестьянской лачугой, оно сделало меня независимым — поставило к плугу...

Миссис Агнессе Маклехоу

Простите, дорогая Кларинда, за наспех написанное письмо, которое я отослал Вам вчера. Не помню даже, что я написал. Как раз, когда я приступил ко второй фразе, пришел господин, чьи достоинства и критический склад ума я весьма ценю, я не решился заставить посыльного долго ждать. Я прочитал моему почтенному другу несколько своих шуточных стихов, а среди них и Ваши строки, которые я переписал для себя. Он начал было высказывать критические замечания в их адрес и в адрес других вещей, но тут я сообщил ему, что эти строки принадлежат руке юной леди, жительницы Эдинбурга; представьте, мое сообщение изумило его. Мой ученый коллега принял протестование — он-де не может поверить, что в Эдинбурге какая-либо юная леди может быть способна на такие стихи; если Вы знакомы с профессором Грегори, Вас не надо убеждать в его знаниях и его искренности.

Я еще больше — если такое возможно — люблю Вас за Ваш удивительный вкус и тягу к поэзии.

Меня опять унесло в сторону, я, как всегда, увлекся, но Вы вправе стереть это слово, а на его место поставить любое другое, подобающее случаю, которое вызовет мое почтение и уважение к Вам. Уверен — в беседе или переписке с милой леди, не говоря уже о дивной, милой, прелестной леди, — непременно прокрадывается та восхитительная страсть, чьим преданнейшим рабом я не раз имел честь быть, разве же это может показаться обидным или оскорбительным? Разве не может человек честный и порядочный испытывать влечение к прекрасной леди, разве он непременно должен помнить лишь о том, что, не дай бог, между ними завяжется интрига? Прибавьте немного нежного кокетства Любви к благородным, достойным, мужественным чувствам Дружбы — не знаю более дивного напитка, чем этот. Какой другой сравнится с ним по вкусу? Подобное сочетание — все равно что клубника со сливками: сливки не только дают ягодам новое, божественное свойство, но и сохраняют неповторимое свое.